

Первые годы службы ¹⁾.

Не разнообразна была наша жизнь. Собирались мы у тѣхъ изъ насъ, кто имѣлъ хату побольше, чаще всего у Викгорста, тамъ же мы и обѣдали. Вопросъ о продовольствіи имѣлъ первостепенную важность въ такомъ глухомъ и не важномъ мѣстѣ, какъ Богуславъ. Превжній обычай, имѣвшій въ артиллеріи почти всеобщее распространеніе—обѣдать у батарейнаго командира, уже вышелъ изъ употребленія, или лучше сказать съузился: батарейные командиры стали звать офицеровъ къ обѣду только въ лагеряхъ. Каждый офицеръ, предоставленный на зимнихъ квартирахъ своему собственному усмотрѣнію, продовольствовался разео: или входилъ въ артель изъ нѣсколькихъ товарищей, или стоваривался съ квартирной хозяйкой, или превращалъ своего денщика въ повара, вѣриѣе сказать, въ кашевара. Сначала и я продовольствовался отъ своей хозяйки, т. е. мнѣ давали борщъ и (большею частію) кашу, но потомъ получилъ приглашеніе въ артель, которое конечно и принялъ съ восхищеніемъ. Тутъ меню было разнообразіѣе, и качество стола повыше, при количествѣ достаточномъ, платили же мы по 4 р. 50 к. сер. въ мѣсяць, такъ какъ мѣстная дешевизна была замѣчательная.

И такъ, собравшись вмѣстѣ около часа, мы обѣдали, при томъ довольно шумно и, по моему тогдашнему мнѣнію, очень весело. Если иной разъ что-нибудь припахивало дымкомъ, или не дожарилось, или переварилось, то это непременно замѣчалось старшими товарищами, но тѣмъ не менѣе съѣдалось безъ остатка. Послѣ обѣда иногда расходились по домамъ, иногда оставались, играли

¹⁾ См. „Русская Старина“ ноябрь 1910 г.

въ карты, бесѣдовали. Картежная игра была въ большомъ ходу и играли почти всѣ, но въ однѣ коммерческія игры, азартныя же были тутъ не въ модѣ. Сидѣли большею частью въ фуражкахъ, и объяснялся этотъ обычай тѣмъ, что въ хатахъ съ тонкими, промерзающими стѣнами послѣ топки печей всегда угарно, а потому необходимо сидѣть съ покрытой головой. Хотя я и не совсѣмъ понималъ, почему шапка можетъ служить предохранительнымъ средствомъ отъ угара, однако принялъ этотъ аргументъ безъ критики, и самъ съ нѣкоторой тайной гордостью сидѣлъ въ фуражкѣ. Одно меня при этомъ смущало: у всѣхъ были фуражки затасканныя, замызганныя, а у Викгорста даже безъ половины козырька, у меня же совершенно новая, сейчасъ видно, что офицеръ новопеченный. Мнѣ очень хотѣлось привести свою фуражку въ старослужащій видъ, но остановило меня то соображеніе, что замѣтять и будутъ смѣяться. Да и какой толкъ портить одну фуражку, когда всѣ прочія статьи костюма у меня тоже съ иголочки, а у другихъ потертыя, выцвѣтшія, даже совсѣмъ какія-то необычныя. И въ самомъ дѣлѣ, каждый ходилъ, въ чемъ хотѣлъ и что нравилось, особенно тѣмъ, что были помоложе. Видѣлъ я тутъ полосатые, тиковые сюртучки или казакнички съ полудюжиной кармановъ и карманчиковъ; видѣлъ широчайшія шаровары, конечно, тоже изъ дешевой матеріи, а зимой тулупы, тулупчики и проч., все нимало не подходящее къ установленной формѣ. Сапоги употреблялись въ Богуславѣ высокіе, въ родѣ ботфортовъ, ибо грязь была невообразимая; они шились изъ лошадиной кожи, доходили до колѣнъ, каблуки были подкованы, а зимою ставились подковки даже на шипахъ, такъ какъ мѣстность въ Богуславѣ очень гористая, въ гололедицу трудно проходима. По той же причинѣ вмѣстѣ съ подкованными сапогами офицеры употребляли палки съ острымъ гвоздемъ на концѣ и называли ихъ костылями. Всѣми этими снаряженіями обзавелся и я.

Бесѣды послѣобѣденныя и вечернія велись на темы не очень разнообразныя, чаще всего мы, говоря техническимъ терминомъ, „ругали начальство“. До высшаго начальства не добирались, а критиковали больше низшее, въ родѣ батарейнаго и бригаднаго командировъ. Батарейныхъ командировъ обзывали *арендаторами*, ибо тогдашній способъ веденія батарейнаго хозяйства походилъ дѣйствительно какъ будто на арендованіе. Требовалось, чтобы батарея имѣла видъ, такъ сказать, праздничный всегда, когда есть начальство, и вездѣ, гдѣ есть начальство. Особенно праздничнымъ качествамъ должны были отвѣчать лошади и конская аммуниція; но эта особенность не препятствовала быть лошадямъ и ихъ сбруѣ

самою доходною статьею батарейнаго хозяйства. Доходы батареинныхъ командировъ, впрочемъ, были весьма различны по цифрѣ итога: вдвое, впятеро, даже вдесятеро больше или меньше у одного противъ другого. И вся эта разница порождалась обстоятельствами времени и мѣста, условіями квартированія: главная статья дохода опредѣлялась разницей между справочной и дѣйствительною цѣною на фуражъ. Чтобы справочная цѣна была какъ можно выше дѣйствительной, командирами употреблялись всевозможныя мѣры, всѣ онѣ сводились, конечно, къ подкупу, и цѣль достигалась почти всегда. Въ Богуславѣ мнѣ привелось однажды, въ самомъ началѣ моего тамъ пребыванія, завѣдывать около недѣли батареинными лошадьми, расположенными въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка. Тутъ я имѣлъ случай узнать, что справочная цѣна на сѣно была 10 к. сер., а сѣно покупалось отъ 3¹/₂ до 5 коп. Конечно, разница между цѣнами справочною и дѣйствительною не вся шла въ командирскій карманъ; казенная дача сѣна была недостаточна и можетъ быть нѣсколько мѣсяцевъ въ году приходилось лошадей кормить больше положеннаго, но въ этомъ и иныхъ однородныхъ обстоятельствахъ и заключалась основная черта тогдашняго войскового хозяйства, которое давало поводъ нашему брату называть батареинныхъ командировъ арендаторами. И кличка эта къ нимъ прилагалась вовсе не въ одной 1 бригадѣ.

Когда офицеры бесѣдовали, „ругая начальство“, то на счетъ своего собственнаго начальства прохаживались довольно рѣдко, а больше на счетъ командировъ въ другихъ бригадахъ. Дѣлалось это безъ негодованія, безъ задора, даже безъ горечи, въ бесѣдѣ субъективность собесѣдниковъ какъ будто отсутствовала; каждый излагалъ тотъ или другой фактъ какъ бы не для слѣдствія или суда, а для внесенія въ протоколъ историческаго изслѣдователя и собирателя. Кричали много, но страсть въ этомъ крикѣ не звучала, рассказываемые курьезы до того отвѣчали общему тону времени, что удивленія не возбуждали. А своего собственнаго начальства даннаго времени касались рѣдко потому, что эта тема была почти исчерпана и успѣла очень пріѣсться. Другое дѣло, когда пріѣзжалъ новый командиръ.

Въ Богуславѣ, при штабѣ бригады, находилась бригадная библіотека, довольно хорошая сравнительно съ другими, которая мнѣ привелось впоследствии видѣть, но она была или спеціально-артиллерійская, или литературная случайнаго характера, а требованіямъ научнаго образованія отвѣчала лишь въ слабой степени. Научная подготовка офицеровъ была корпусно-кадетская, общеизвѣстнаго типа, изъ котораго выдѣлялись только отдѣльныя лица,

слѣдовательно, на каталогъ бригадныхъ библиотекъ она вліять не могла. Да и вся обстановка полевого артиллерійскаго офицера, складъ его жизни, смыслъ его службы вовсе не наталкивали на пользу самообразования. Даже специальное образованіе стояло въ нашей артиллеріи на низкомъ уровнѣ и со стороны офицеровъ не употреблялось никакихъ усилій, чтобы уровень этотъ поднять. Огромное большинство артиллерійскихъ офицеровъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ; исключеніе составляла только гвардейская артиллерія, комплектовавшаяся преимущественно изъ артиллерійскаго училища. А въ кадетскихъ корпусахъ особыхъ курсовъ для специальныхъ родовъ оружія не было; учился отлично—въ гвардію; хорошо—въ артиллерію или саперы; средственно—въ армію, плохо—въ линейные батальоны, совсѣмъ худо—въ гарнизонъ. Мудрено ли, что новоиспеченный артиллеристъ, не имѣвшій сколько-нибудь серьезной специальной подготовки, нисколько не заботился о своемъ дальнѣйшемъ артиллерійскомъ образованіи? Ѣздить верхомъ у такого-то орудія, командовать такимъ-то взводомъ 2—3 мѣсяца въ году, познакомиться съ механизмомъ заряжанія и пальбы изъ нехитраго гладкостѣннаго орудія, присмотрѣть, какъ обучаютъ фейерверкеры солдатъ маршировкѣ и орудійнымъ приѣмамъ,—вотъ весь циклъ служебной мудрости для молодого офицера на многіе годы. Да еще и такъ бывало, что коннаго батарейнаго строя офицеры не знали и въ строю путали, между прочимъ потому, что, жалѣя свою доходную статью—лошадей, батарейные командиры экзерцировали свои батареи въ конномъ строю очень рѣдко. Впрочемъ, и тутъ у офицеровъ былъ ресурсъ: тогда солдаты служили долго, и старѣйшіе изъ нихъ, фейерверкеры, строевую службу знали хорошо; уносный фейерверкеръ всегда могъ подсказать офицеру, что слѣдуетъ дѣлать при каждомъ построеніи. И подсказывали.

Существовалъ въ то время законъ, въ силу котораго офицеры младшихъ чиновъ обязаны были держать ежегодные экзамены изъ нѣсколькихъ предметовъ своей специальности. Вскорѣ послѣ моего поступленія на службу, этотъ законъ былъ видоизмѣненъ: экзамены производились лишь передъ производствомъ офицеровъ въ слѣдующій чинъ, а вслѣдъ затѣмъ были отмѣнены совершенно. Однимъ оффиціальнымъ обманомъ стало меньше. Я, будучи скверно подготовленъ къ артиллерійской службѣ, хотя учился порядочно, побаивался-таки этихъ экзаменовъ, предполагая, что испытаніе офицеровъ должно быть нѣчто весьма серьезное, и по характеру, и по объему. Поэтому, нѣсколько освоившись съ собраніями товарищей и привыкнувъ подавать на нихъ иногда свой голосъ, я рѣшился какъ-то спросить объ офицерскихъ экзаменахъ. Отвѣтомъ былъ

легкій, но всеобщій смѣхъ. Затѣмъ мнѣ объяснили, что каждый экзаменующійся задаетъ себѣ задачи самъ, по своему выбору и усмотрѣнію, рѣшаетъ ихъ письменно и представляетъ начальству, а оно отсылаетъ куда слѣдуетъ. Къ этому прибавили, что вообще наши экзамены есть чистая комедія, что офицерскіе испытательные листки или вовсе не разсматриваются, или провѣряются на выдержку можетъ быть изъ сотни одинъ и что прискорбныхъ для экзаменующихся результатовъ не бываетъ, а если и бываютъ изрѣдка, то въ такихъ лишь случаяхъ, когда офицеръ дозволяетъ себѣ вопіющую беспечность и небрежность.

Научныхъ бесѣдъ у насъ въ Богуславѣ не было, литературныя бывали изрѣдка, или урывками, о строевой, т. е. фронтовой, службѣ упоминалось рѣдко, но служба вообще разбиралась часто. Говорилось о разныхъ стоянкахъ, со вздохомъ упоминалось про стоянку въ Польшѣ, какъ о самой выгодной въ денежномъ отношеніи, ибо тамъ давалось усиленное жалованье. Вообще оказывалось хорошо тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, почти никто не былъ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и мечталъ о лучшемъ. Главною тому причиною была, во-первыхъ, бѣдность, т. е. недостатокъ средствъ для жизни самой простой и скромной; во-вторыхъ, чрезвычайно тугое чинпроизводство въ полевой артиллеріи, допускающее видѣть улучшение настоящаго положенія лишь въ далекомъ будущемъ, т. е. когда наступитъ время командованія батареей.

Недостатокъ средствъ — вотъ основное положеніе, изъ котораго всѣ бесѣды исходили или къ которому всѣ онѣ приводили. Судили и рядили на всѣ лады — какъ быть, чтобы ухитриться сводить концы съ концами. Выяснялось, что, во-первыхъ, пить чай прапорщику нельзя, тѣмъ паче съ такими приправами, какъ ромъ и лимонъ; носить платье слѣдуетъ изъ двухрублеваго сукна; сапоги заказывать выростковые; и такъ далѣе. Болѣе всего встрѣтилось трудностей при опредѣленіи расходовъ экстраординарныхъ, особенно по амурской части. При всей неизбежности этой расходной статьи, она признана для прапорщика запретной и даже опасной, по невозможности регулированія и по сравнительной мягкости прапорщичьихъ сердецъ, вредно отражающейся на карманѣ. И судили-то прапорщики же.

Иногда, наскучивъ толковать все объ одномъ и томъ же, прибѣгали къ хорошему пѣнію, но оно тянулось недолго, такъ какъ умѣлыхъ пѣвцовъ не было ни одного, а неумѣлое рвеніе заводило, Богъ знаетъ, куда. Пѣли пѣсни солдатскія, романсы, а то на какой-нибудь мотивъ пѣли, что взбредетъ на умъ, большею частью содержанія скромнаго. Чаше всего пѣли романсъ „бригадный“, кѣмъ-

то и на кого-то составленный; все это я позабылъ, но слова романса и напѣвъ (очень недурной и оригинальный) помню до сихъ поръ. Начинаясь романсъ такъ:

Идетъ Миша и пла-а-ачетъ...
 Увидѣла Настя,
 Настасья Петровна,
 У Миши спросила:
 „Чего Миша плачетъ—плачетъ?
 „Чего Миша хочетъ—хочетъ?“
 — Пла-а-чу я пла-а-чу
 — Подойти къ тебѣ хочу. —
 Настя Мишу утѣшала
 Подойти къ себѣ пускала
 „Подь, Мишенька, подь, душенька,
 „Подь, подойди.“

А Миша идетъ и все пла-а-а-четъ.

Далѣе развивается содержаніе пѣсни, несовсѣмъ въ печати удобное.

Если къ описанному времяпрепровожденію прибавить шахматы да бильярдъ въ скверномъ, грязномъ еврейскомъ трактирѣ, то вся программа нашихъ занятій, удовольствій и развлеченій будетъ исчерпана. Ни спектаклей, ни концертовъ, ни даже заѣзжихъ фокусниковъ или акробатовъ—не было во время 5 мѣсячнаго пребыванія моего въ Богуславѣ. Оставалось сидѣть дома и читать, затѣмъ бездѣльно шататься по грязному, вонючему мѣстечку, заходить другъ къ другу, чтобы посмотрѣть въ сотый разъ на стѣны и маленькія окна хаты, вытянуть кверху руки, глубоко зѣвнуть и проговорить: „Господи, что за скука!“ При этихъ условіяхъ какъ много могли бы поработать тѣ же самые офицеры на пользу службы, если бы служба была умѣло организована!

Мое положеніе, сравнительно съ прочими, было лучше и легче. Я только что выскочилъ въ взрослые, впервые испытывалъ свободу и очень интересовался своею новой обстановкой и всѣмъ окружающимъ. Миѣ не могло наскучить съ перваго раза все то, что другимъ надоѣло давнымъ давно. Меня занимало даже скитанье по Богуславу въ подкованныхъ сапогахъ, съ костью въ рукѣ. Кромѣ того я сталъ учиться верховой ѣздѣ, благодаря любезности товарищей. А страсть къ чтенію можно было удовлетворять вполне, если откинуть капризничанье въ выборѣ книгъ и не требовать отъ чтенія систематичности. Да и самая наша жизнь съ ея условіями и обстановкой отрицала серьезныя и систематическія занятія, если бы у кого-нибудь появилась къ нимъ охота. Помимо состава бригадной бібліотеки, довольно хорошей и полной только

сравнительно, не было никакихъ элементарныхъ удобствъ для занятій. Мудрено было бы молодому человѣку, волею судьбы попавшему въ эту грязную дыру, отшатнуться отъ небольшого общества и повести жизнь анахорета. Онъ умеръ бы съ тоски, а почти-что и съ голода. Все направляло людей на битый путь ничегонедѣланія и научало думать только о завтрашнемъ днѣ, не дальше. Графъ Толстой гдѣ-то въ „Войнѣ и Мирѣ“ говоритъ, что военные имѣютъ привилегію на безупречную праздность, тогда какъ для всѣхъ другихъ праздность предосудительна. Это прямо приложимо къ тому времени, ибо условность эпитета „безупречный“ сложилась лишь въ послѣдующее время.

Чтобы показать, какими удобствами мы пользовались въ нашемъ домашнемъ быту, опишу тѣ квартиры, которыя я занималъ. Сначала мнѣ и товарищу, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ, была отведена квартира на концѣ мѣстечка, въ просторной хатѣ, раздѣленной сѣнями пополамъ. Въ одной половинѣ оставались проживать хозяева, другую заняли мы. Наше помѣщеніе состояло изъ двухъ маленькихъ комнатокъ, гостиной и спальни, какъ мы ихъ называли; въ спальню выходила хозяйская русская печь и ее нагрѣвала, гостиная отапливалась своей собственной печкой. Надъ русской печкой была квадратная дыра, въ четверть арш., черезъ эту дыру къ намъ безпрестанно кто-нибудь засматривалъ и черезъ нее же мы разговаривали съ хозяйкой, когда волей, а когда и неволей. Стѣны этого домика-мазанки были тонкія, не больше четверти; крыша соломенная, окна маленькія, какъ въ крестьянскихъ хатахъ, потолокъ низкій, такъ что можно было достать его вытянутой рукой. Полъ былъ глиняный, ровный и гладкій, но отъ ходьбы по немъ давалъ тонкую пыль. Въ спальнѣ стояла кровать, конечно безо всего; въ гостиной диванъ съ деревянною доскою вмѣсто общепринятаго мягкаго сидѣнія; если къ этому прибавить два простыхъ не окрашенныхъ стола и четыре стула, то меблировка будетъ полная. Мы справили себѣ сѣнники для спанья и имущество свое держали въ чемоданахъ.

Стѣны нашего зимняго дворца промерзали насквозь или по крайней мѣрѣ настолько, что при топкѣ печи, по комнатамъ стоялъ паръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распространялся такой угаръ, что оставаться дома не было возможности. При сырой, но теплой погодѣ было немного лучше. Каждую субботу являлась къ намъ бабуся съ горшкомъ какой-то красной глины, просила насъ удалиться и безъ всякихъ приспособленій, съ помощью одной правой руки, смазывала тонкимъ слоемъ глины полъ, гладко и ровно. Часа черезъ два полъ просыхалъ и дѣлался чистымъ, опрятнымъ, даже красивымъ. Это меня натолкнуло на совершенно новую мысль.

До бани было далеко и очень грязно; отчего не устроить себѣ

баню дома, въ гостиной?—Для этого я выбралъ пятницу, т. е. канунъ полотерныхъ экзерцицій бабуся; затопилъ печку по обыкновенію соломой, поставилъ въ нее горшокъ или два воды и, когда она нѣсколько нагрѣлась, раздѣлся и препорядочно вымылся, а потомъ лужу грязной воды собралъ въ горшокъ. Такое мое свободомысліе возбудило на слѣдующій день цѣлую бурю со стороны хозяйки, однако послѣ полотерныхъ упражненій бабуся, испорченный полъ получилъ свой обычный видъ. Только я больше не устраивалъ у себя дома баню, иначе хозяйка пожаловалась бы непременно. Офицеры очень смѣялись и хвалили мою изобрѣтательность, такъ что я очень выросъ въ моемъ собственномъ мнѣніи.

На другую квартиру я перешелъ, вмѣстѣ съ товарищемъ въ срединѣ зимы, а почему именно понадобилось это перемѣщеніе,— не помню. Отведена была одна большая комната въ грязномъ трактирѣ; потомъ оказалось, что подъ нею находился трактирный погребъ. Мебель была получше, чѣмъ въ первой, но зато шумъ и гамъ по временамъ стояли въ сосѣдствѣ такіе, что даже насъ, неизбалованныхъ, тревожили и заставляли иногда уходить изъ дома. А пуще всего доѣзжалъ насъ страшный холодъ, который не поддавался никакимъ тонкамъ; однажды ночью на столѣ замерзла вода въ стаканѣ. Зато мы безпрестанно ходили согрѣваться билліардной игрой, конечно даромъ, и скоро въ этомъ искусствѣ стали почти артистами.

Такимъ образомъ протекло около пяти мѣсяцевъ. Я сѣлся со своей средой и не успѣлъ еще соскучиться моею монотонной и однообразной захолустной жизнью. Товарищей моихъ я полюбилъ искренно или по крайней мѣрѣ настолько къ нимъ привязался, что разставаніе съ ними очень бы меня огорчило. А между тѣмъ именно и пришлось разстаться. Насъ было тутъ двое сверхкомплектныхъ; это конечно было предвидѣно въ Петербургѣ при моемъ сюда назначеніи и слѣдовало мнѣ тогда же указать на выборъ другого мѣста службы. Однако почему-то предпочли поступить иначе; въ 1-ю бригаду меня зачислили согласно моему желанію, но зато, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, перевели въ 6-ю, уже не справляясь съ моимъ желаніемъ.

Я сталъ готовиться къ отъѣзду; въ матеріальной сторонѣ моего житья-бытья оказались кое-какія прорѣхи, которыя надлежало задѣлать. Жилъ я очень прижимисто и считалъ каждую копейку, но это отъ прорѣхъ не спасло, а только сдѣлало ихъ не очень большими и къ заштопанью довольно легкими. Припоминаю одинъ случай изъ тѣхъ, кои производили прорѣхи. Въ Богуславѣ, какъ и во всякомъ мѣстѣ, гдѣ скучено еврейское населеніе, процвѣтало ремесло факторовъ. Факторъ—это комиссіонеръ, котораго не ищутъ, а который самъ васъ ищетъ. Если вы фактора не желаете, онъ все равно

будетъ къ вашимъ услугамъ; онъ постоянно торчитъ гдѣ-нибудь невдалекѣ, слѣдитъ за вами, узнаетъ про ваши потребности и является съ нужными для васъ вещами прежде, чѣмъ вы соберетесь ихъ приобрѣсти. Онъ никогда не утомляется и какъ будто не ѣстъ и не спитъ. И все это за 15 коп. въ день, т. е. въ рабочій, комисіонный день. А если кто побогаче или потароватѣе и даетъ копеекъ 25—30, то факторъ уже такъ и дежуритъ безсмѣнно въ его передней, кухнѣ или сараѣ. Ни у меня, ни у моихъ товарищей не было факторовъ, во-первыхъ, потому, что 15 коп. были для насъ большимъ расходомъ, а во-вторыхъ, каждый изъ насъ имѣлъ казенную прислугу. Тѣмъ не менѣе мы отъ факторовъ отдѣлаться не могли и хотя они нашихъ глазъ не мозолили, но непремѣнно являлись тогда, когда по ихъ нюху представлялась надобность въ нихъ и была надежда на гешефтъ. Если чутье фактора оказывалось вѣрнымъ, то добродѣтель награждалась, т. е. гешефтъ попадалъ въ его карманъ, если же нюхъ обманывалъ, то порокъ наказывался, т. е. факторъ выпроваживался, смотря по темпераменту патрона, или простымъ напутственнымъ словомъ или подзатыльникомъ. Это послѣднее обстоятельство впрочемъ не обезкураживало фактора, и онъ по-прежнему продолжалъ невидимо состоять при исправленіи своихъ обязанностей, но только придавалъ имъ значеніе второстепенное, вспомогательное.

Былъ и у меня подобный фактотумъ іудейскаго исповѣданія, можно бы сказать *le juif elegant* въ предѣлахъ Богуслава. Ужъ чего я былъ голъ и неимущъ, а все-таки нашлись охотники зарабатывать барыши на моей особѣ. Въ самомъ началѣ факторъ мнѣ дѣйствительно былъ полезенъ и даже нуженъ, пока я не освоился и не получилъ казенную прислугу, но потомъ надобность въ немъ встрѣчалась рѣдко и случайно. Когда я пріѣхалъ въ Богуславъ, меня облѣпила цѣлая туча этихъ хищныхъ птицъ, и ужъ не помню, какимъ образомъ выборъ палъ на одного, Лейбу или Мошку. Вѣрнѣе, что не я его выбралъ, а они сами разыграли меня между собою въ лотерею, такъ что не онъ состоялъ видимо и невидимо при мнѣ, а я при немъ. Первое время, несмотря на мою голъ, онъ получалъ съ меня барыши постоянные, хотя и копеечные, но если для меня эти копейки имѣли значеніе, то для него и подавно: эти факторствующие жидки были поистинѣ народъ очень бѣдный и жалкій. Бывали однако случаи, хотя и рѣдкіе, когда факторъ зарабатывалъ съ меня барыши крупнѣе копеечныхъ, такъ сказать, гривенные. Однажды принесъ онъ ко мнѣ нѣсколько разныхъ вещей, передавая мнѣ съ таинственнымъ видомъ, что представляется необыкновенный случай купить ихъ за четверть цѣны. Я велѣлъ ему убираться вонъ, онъ и убрался, но всѣ вещи оставилъ у меня—

обыкновенный факторскій приемъ съ молодыми и неопытными. Невольно сталъ я разсматривать разложенныя вещи, какъ разъ въ это время факторъ опять явился, и въ результатъ получилось, что я купилъ коробку съ помадой и заплатилъ за нее два рубля серебромъ, когда всѣ мои наличные денежные ресурсы ограничивались въ то время 5—6 рублями. Коробка съ помадой была такая красивая, помадныя банки, числомъ три, такія изящныя; жидокъ-факторъ такъ убѣдительно высчитывалъ по пальцамъ выгодность покупки, что я не устоялъ. Лишь когда онъ исчезъ съ моими двумя рублями, я сообразилъ, что сдѣлалъ глупость, ибо никогда никакой помады не употреблялъ ни прежде, ни послѣ.

Передъ отъѣздомъ я пересмотрѣлъ все мое небогатое имущество и, что нашелъ въ немъ лишняго, распродалъ своимъ товарищамъ, или обмѣнялъ на болѣе нужное. У одного изъ нихъ купилъ я на дорогу ношенный, но хорошій тулупъ изъ калмыцкихъ барановъ, крытый нанкой. Цѣна, 15 р., была мнѣ не по карману, и я думалъ было отказаться отъ покупки, хотя въ одной шинели, подбитой вѣтромъ, ѣхать было очевидно нельзя. Однако вмѣшались въ дѣло товарищи, составили изъ себя нѣчто въ родѣ жюри экспертовъ и уговорили продавца уступить мнѣ тулупъ за 10 рублей серебромъ. Несмотря на всѣ эти операціи, денегъ у меня было меньше, чѣмъ нужно по самому скромному счету, а товарищи помочь не могли: всѣ они сами сидѣли безъ копейки. Посовѣтовали обратиться къ батарейному командиру, высчитали нужную мнѣ сумму (руб. 30), опредѣлили срокъ, къ которому я могу возвратить долгъ. Я отправился къ Пассеку; онъ выслушалъ мою просьбу, подкрѣпленную исчисленіями, сразу согласился, сейчасъ же вручилъ мнѣ просимую сумму и отказался взять расписку. Я пришелъ въ нашу компанію къ обѣду, восхищенный и славословившій; офицеры похвалили Пассека, сказавъ, что такъ и слѣдуетъ, что иначе онъ былъ бы скотина, а что впрочемъ есть скоты. При этомъ мнѣ было слегка внушено, что любезность Пассека обязываетъ меня быть въ свою очередь точнымъ при отдачѣ долга; я увѣрилъ ихъ, что такъ и будетъ, и дѣйствительно возвратилъ потомъ деньги въ срокъ.

Очень пришлились мнѣ по душѣ мои товарищи, а нѣкоторыхъ изъ нихъ я искренно любилъ. Много ли, кажется, 5 мѣсяцевъ, а они сдѣлали то, что потомъ не дѣлалъ и цѣлый рядъ лѣтъ. Лежала ли причина тому въ хорошихъ качествахъ офицеровъ, или же въ свѣжести моихъ первыхъ впечатлѣній? Я думаю, и въ томъ и въ другомъ.

А. Ф. Петрушевскій.

